

(март 1917 – ноябрь 1926) / сост. : В. Е. Снапковский [и др.]. – Минск : БГУ, 2012. – 495 с.

4. ДАВВ. – Ф. 10050-п. Воп. 1. Спр. 22.

5. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 4. Воп. 1. Спр. 27.

6. Хомич С.Н. Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo / С.Н. Хомич – Минск: Экономпресс, 2011. – 416 с.

7. ДАВВ. – Ф. 10050-п. Воп. 1. Спр. 624.

8. ДАВВ. – Ф. 10050-п. Воп. 1. Спр. 629.

Бахтурина Александра Юрьевна

Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия)

ЛИКВИДАЦИЯ ВИЛЕНСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА В НАЧАЛЕ XX В.: УНИФИКАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ИМПЕРИЕЙ ИЛИ ШАГ К НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ?

Распад Российской империи и формирование на ее территории национальных государств преимущественно объясняется стремление народов империи к созданию национальной государственности. Создание национальных государств на территории России в начале XX столетия было теснейшим образом связано с проблемой формирования их будущих. Движение за выделение национальных территорий народов Российской империи началось уже в конце XIX столетия. Во многом оно стимулировалось тем обстоятельством, что административно-территориальное деление в государстве не совпадало с этническими границами проживания коренных народов. Не случайно, что национальные элиты стремились к тому, чтобы унифицировать границы губерний и локализовать тот или иной этнос в рамках одной административной единицы. Например, уже в конце XIX столетия в Прибалтийском крае, по замечанию эстонского историка Т. Карьяхярма, «наблюдается более дифференцированный подход с выделением отдельных регионов империи. Например, Эстляндию стали рассматривать отдельно от этнической России. При этом термином «Эстляндия» обозначали не только Эстляндскую губернию (Северную Эстонию), но и эстонские уезды Лифляндской губернии (Южная Эстония), город Нарву в Санкт-Петербургской губернии, а позже и территорию в Псковской губернии, где проживал народ сету. Таким образом, формировались представления об этнической территории эстонцев с общим названием «Эстония» [1, с. 25–26]. Требования представителей национальных общественно-политических кругов на практике удалось реализовать уже после 1917 г., после прихода к власти Временного правительства.

Но формирование границ будущих национальных государств в начале XX столетия было связано не только с национальными требованиями. В начале XX века имел место ряд административных преобразований, которые объективно также вели к локализации этносов в рамках административных границ, хотя представители бюрократии, планировавшие и реализовавшие данные мероприятий, об этом не помышляли.

С этой точки зрения представляется небезынтересным рассмотреть ряд административных преобразований, которые на первый взгляд не имели

никакого отношения к формированию национальных границ будущих государств, но по сути оказали влияние на этот процесс.

В начале XX столетия важнейшим элементом внутренней политики самодержавия было движение к унификации управления окраинами Империи. В контексте истории становления белорусской государственности обращает на себя внимание ликвидация Виленского генерал-губернаторства. Процесс его ликвидации, аргументацию бюрократических верхов подробно рассмотрела в своей статье Е. А. Подорожня [4].

Но остается открытым вопрос о том, насколько исключительной или, наоборот, типичной была эта мера? Имели ли место аналогичные процессы в других губерниях? Способствовали или нет административные преобразования формированию национальной государственности народов Российской империи?

Особый статус и система управления, отличная от общеимперской на западных окраинах обеспечивались за счет образования там генерал-губернаторств, введения должности генерал-губернатора и сохранением ранее существовавших органов управления и самоуправления.

Права генерал-губернаторов на окраинах России определялись особыми Положениями, составленными применительно к местным географическим, политическим и этнографическим особенностям каждой из окраин, включенными в Свод губернских учреждений [9]. Важной прерогативой генерал-губернаторов было то, что никакая новая мера в отношении подведомственной ему территории не могла быть принята без предварительного заключения генерал-губернатора. Эта норма давала генерал-губернаторам относительную независимость в определении политического курса на управляемой территории. Если предложения генерал-губернатора одобрял император и издавал соответствующее высочайшее повеление, то генерал-губернатор мог в свою очередь издать серию соответствующих распоряжений без какого-либо согласования с министерствами и главными управлениями. Он был обязан только сообщить министрам и главноуправляющим о содержании высочайшего повеления и о своих распоряжениях по его исполнению. Таким образом, в ряде случаев генерал-губернатор имел право и возможность к проведению собственной политики на подведомственной территории, минуя центральные учреждения. Значительная независимость генерал-губернаторской власти уже во второй половине XIX в., по наблюдениям А.В. Ремнева, вызывала разнообразную критику как в среде высшей бюрократии, так и в общественно-политических кругах [5, с. 58]. Аналогичной точки зрения придерживаются и зарубежные историки, в частности, японский исследователь К. Мацузато [3].

Стремление к унификации управления империей во второй половине XIX в. и критические высказывания против широких прав генерал-губернаторов со стороны государственных деятелей привели к тому, что в начале XX в. предпринимаются попытки сузить их компетенцию и сделать управление окраинами более централизованным. В 1906 г. генерал-губернаторы утратили право законодательной инициативы и возможность непосредственного обращения к монарху в связи с изменением законодательного механизма Российской империи и создания Совета министров. Оценивая процесс постепенного отказа от института генерал-

губернаторов, применительно к восточным окраинам империи, А.В. Ремнев писал: «Империя заявляла о своих претензиях изменить не только политическую, но и этнографическую и даже физическую географию мира» [6, с. 13], – считая, что ликвидация генерал – губернаторств была теснейшим образом связана с «потенциальной способностью» восточных территория «слиться с русским государственным ядром» [6, с. 13] С 1856 по 1881 г. в Российской империи было упразднено восемь генерал-губернаторств.

В 1876 г. утратили статус генерал-губернаторства Прибалтийские губернии, но отличное от общеимперского самоуправление и правовые нормы, его обеспечивавшие, там были сохранены. С 1879 г. в связи с нестабильностью внутривосточной ситуации, генерал-губернаторства начинают воссоздаваться, однако полномочия их руководителей были ограничены полицейскими функциями. С 1899 г. в МВД обсуждался вопрос о целесообразности дальнейшего существования Степного генерал-губернаторства [7].

В начале XX в. началась фактическая ликвидация Виленского генерал-губернаторства. В 1901 г. признано было возможным временно не замещать должности Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора. Не замещение генерал-губернаторской должности продолжалось год с небольшим и в 1902 г. генерал-губернаторское управление было восстановлено в прежнем объеме. Но в 1909 г. должность генерал-губернатора вновь осталась незанятой вплоть до 1911 г. [8, л. 12].

К 1911 г. в МВД пришли к заключению, что политика усиления русского влияния в Западном крае, проводившаяся с середины XIX в. дала свои положительные результаты. Руководство МВД признало, что дальнейшее существование Виленского генерал-губернаторства не целесообразно. При этом в представлении МВД в Совет министров было вполне объективно отмечено, что губернии, входящие в его состав, резко отличаются друг от друга по вероисповедному и национальному составу и уже поэтому нежелательно объединение их в рамках одной административно-территориальной единицы. Здесь виден своего рода исторический парадокс: чины МВД стремятся унифицировать управление Империей, отказаться от особого управления отдельными регионами, но при этом подчеркивает, что необходимо по сути разграничение этносов в рамках отдельных административно-территориальных единиц. Руководство МВД также считало, что отмена в Северо-Западных губерниях ограничений в вероисповедании и землевладении привела к тому, что губернии края уже ничем не отличаются от других российских губерний. Поэтому существование генерал-губернаторства не имеет смысла. Ликвидация Виленского генерал-губернаторства также обосновывалась соображениями экономии [8, л. 17]. Законопроект МВД был рассмотрен в Совете министров 20 января 1911 г., одобрен и внесен в Государственную думу.

Ликвидация Виленского генерал-губернаторства, которая состоялась в январе 1912 г., показывала, что Западный край к началу XX в. представлял собой весьма неоднородную территорию. Хотя формально законопроект МВД демонстрировал еще один шаг к включению Ковенской, Гродненской и Виленской губерний в систему общегубернского управления, но фактически произошла локализация в рамках отдельных губернаторств русского, белорусского и литовского населения. Е. А. Подорожная отмечает,

что в Ковенской губернии проживало 68 % литовцев, в Гродненской 71 % русских и в Виленской 50% белорусов [4, с. 39]. Примечательно, что чиновники МВД были прекрасно об этом осведомлены. Отмечая, что нежелательно существование в рамках одной административной единицы «трех Северо-Западных губерний, отличающихся между собою по племенному составу и религии, является даже нежелательным. Гродненская губерния почти сплошь русская и православная, Ковенская с преобладающим населением литовским и католическим, Виленская населена белорусами-католиками» [8, л. 17].

Далее предстоит ответить на вопрос о том, насколько типичной для Российской империи начала XX в. была ликвидация генерал-губернаторства.

В недатированной Записке И. Л. Горемыкина, предположительно составленной в 1911 г. по вопросу о сохранении генерал-губернаторств в Западных губерниях, отмечалось, что генерал-губернаторства остались там, «где действуют особые законы. Когда-нибудь и эти окраины не будут нуждаться в исключительном порядке управления, но это будет не скоро, когда они сольются с остальной территорией в племенном, культурном и экономическом отношении». К числу таких окраин Горемыкин относил восточные, юго-восточные окраины, а также Царство Польское. Он считал возможным отменить институт генерал-губернаторов в Западных губерниях. «Киевское и Виленское генерал-губернаторства, образуя лишнюю административную инстанцию с чрезвычайными правами, лишь замедляют решение самых обычных дел, а то еще и вносят личное усмотрение, из-за чего возникают недоразумения, когда МВД оказывается вынужденным поддержать губернатора против генерал-губернатора» [7]. Таким образом, упразднение генерал - губернаторств на Западных окраинах было также связано с постепенной ликвидацией административных особенностей в управлении отдельными территориями.

Примечательно, что сторонниками ликвидации генерал-губернаторств в западной части Российской империи выступали представители правых общественно-политических кругов.

В 1914 г. в Совете министров обсуждался вопрос о целесообразности сохранения должностей генерал-губернаторов. За отмену генерал-губернаторских должностей в Государственной думе активно выступали правые. Наличие этого института на национальных окраинах было, по мнению националистов одной из существенных причин нестабильности на этих территориях. Это нашло отражение в законодательном предложении 40 членов Думы, предлагавших упразднить должность Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернатора, а также Степного генерал-губернатора. Это предложение было поддержано правительством и в 1914 г. они были упразднены.

Попытки отказа от института генерал-губернаторов на протяжении начала XX в. можно рассматривать как одну из достаточно стабильных тенденций, иллюстрирующих попытки перехода к унифицированной системе управления империей. Ликвидация отдельных генерал-губернаторств на западных окраинах в конце XIX – начале XX в. показывала, что, имели место общие процессы, направленные к ликвидации особого административного статуса западных окраин. Следует отметить, что, несмотря на критическое отношение к институту генерал-губернаторов,

политика отказа от него в начале XX в. не была полностью последовательной. Так, с 1900 г. стали расширяться права варшавского генерал-губернатора. 11 апреля 1900 г. Положением Комитета министров ему на 3 года было предоставлено право издавать обязательные постановления по вопросам предупреждения нарушений общественного порядка и государственной безопасности, а также разрешать в административном порядке дела о нарушениях этих постановлений. Названная мера проектировалась как временная, но 21 марта 1903 г. ее действие было продлено еще на 3 года.

Таким образом, можно говорить о том, что ликвидация Виленского генерал-губернаторства была составной частью единого процесса, направленного на отказ от особых систем управления окраинами Российской империи. В этот же период упраздняются должности Киевского и Степного генерал-губернаторов. Но при этом превращение губерний в полностью самостоятельные административно-территориальные единицы, отказ от промежуточных звеньев в управлении, вело к локализации этносов в рамках собственных административных границ и создавало основу для становления национальной государственности. Бюрократические верхи Российской империи не видели опасности в этом процессе. Более того, существование губерний с преобладанием одного этноса, они расценивали как способ обеспечения государственной целостности.

Библиографические ссылки

1. Карьяхярм, Т. Остзейцы и балтийцы: экскурс в терминологию// Россия и Прибалтийский регион в XIX – XX вв.: Проблемы взаимоотношений в меняющемся мире. М., 2013.
2. Кузьмин, А. Д. Особенности организации и функционирования административного аппарата в белорусских губерниях в 1864–1914 гг. // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. 2017. № 1 (100). С. 48–53.
3. Мацузато, К. Генерал-губернаторства в Российской империи от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань. 2004.
4. Подорожня, Е. А. Ликвидация института Виленского генерал-губернаторства: законодательные инициативы и практическая реализация // Весці БДПУ. Серия 2. 2013. № 2 С. 36–40.
5. Ремнев, А. В. Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Имперский строй России в региональном измерении (XIX начало XX в.). М., 1999.
6. Ремнев, А. В. Имперская история России: Азиатский вектор. Проблемы исследования и преподавания // Вестник Омского университета. 2007. № 4. С. 6–22.
7. Записка И. Л. Горемыкина о генерал-губернаторствах в Западных губерниях // ГАРФ. 543. Оп.1. Д.470. Л.1–18.
8. Журнал заседаний. 1899. // РГИА. Ф.1284. Оп.185. 1899. Д.26. Л.94.
9. Представление министерства внутренних дел об упразднении Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернаторства// РГИА. Ф.1276. Оп.7. Д.4. Л. 9–17.
10. Свод губернских учреждений // Свод законов Российской империи. Спб., 1892. Т.2.